



**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени М.В. ЛОМОНОСОВА**

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра истории государства и права

КУРСОВАЯ РАБОТА

Правовые проблемы в творчестве Уильяма Шекспира

Подготовил: студент I курса
дневного отделения

Магомедов Саид Эльдарович

Научный руководитель:
к.ю.н., доцент

Давидян Гаяне Михайловна

Дата сдачи: «__» _____ 2019 г.

Дата защиты: «__» _____ 2019 г.

Оценка: _____

МОСКВА – 2019 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1: Обязательственное право и «Венецианский купец»	5
§ 1. Предмет спора Шейлока и Антонио	5
§ 2. Судебный процесс	9
ГЛАВА 2: Преступление и наказание и «Гамлет»	14
§ 1. Гамлет. Историко-правовой контекст	14
§ 2. Правовой анализ поступков Гамлета	16
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	22
БИБЛИОГРАФИЯ	25

ВВЕДЕНИЕ

Во множестве произведений великого английского поэта и драматурга Уильяма Шекспира видится глубокое понимание права не только как актуальной его эпохе системы регулятивных механизмов, но и как явления основополагающего в жизни общества, так или иначе оказывающего непосредственное влияние на восприятие человеком таких идеальных категорий как любовь, верность, предательство, самопожертвование, ярко описанных литератором красивым слогом и динамичным действием, но не без прочного фундамента научной составляющей.

Творчество Шекспира богато уроками и фактами из любой важной человеческой сферы деятельности и необходимо для понимания с каждой из них для верного восприятия тех идей и мыслей, которые несомненно стали причиной революции в искусстве английской драматургии и основой для множества идейных течений в литературе на столетия вперед. В качестве одного из инструментов творения своих шедевров Шекспир использовал юриспруденцию, ведь в большинстве из его пьес мы непременно наблюдаем идеализм в мотивах определенных героев или в призыве самого автора к бережному отношению к лучшему, что есть в человеческой натуре. И такое стремление к идеальному подразумевает жажду законов, призванных служить народу в беспрекословной справедливости, за которые стоит бороться и умирать.

Несмотря на множество отклонений от реальной действительности, в пьесах Шекспира право можно расценивать как отражение исторической действительности с элементами собственной художественной выдумки, т.к. соблюдается дух эпохи и правовые воззрения на государство и человеческие права и обязанности. И именно это оказалось единственным верным методом для Шекспира определить свои взгляды на право и историю в их взаимосвязи для каждого читателя разного времени, разной эпохи. Юристу должны быть интересны не только правовые проблемы, непосредственно поднятые драматургом в своих трудах, но и те

юридические факты, которые можно выявить, лишь углубившись в суть проблем, относящихся к совершенно иным категориям, не имеющих прямой связи с правом. И те, и другие были мастерски описаны Уильямом Шекспиром в своих трудах.

Ярким примером этого может служить судебный процесс, нашедший отражение в пьесе «Венецианский купец», где нестандартная юридическая мысль персонажа помогает обозначить важнейшее условие в судебном решении и тем самым перевернуть исход действия в пользу достойного человека.

Также прослеживаются и философско-правовые идеи: внутренний конфликт Гамлета между этическими воззрениями на долг и на его право толкает героя на непредсказуемые поступки, которые в то же время приобретают нестандартный правовой очерк.

Целью научного исследования является выявление и описание в творчестве Шекспира наиболее важных правовых идей и специфического метода их передачи своему читателю, а также сопоставление правовых аспектов его произведений с юридическими конструкциями, свойственными тем государствам, в которых происходили действия шекспировских пьес, а также с правом Англии, к чему поэт имеет непосредственное отношение.

Глава 1. Обязательственное право в пьесе «Венецианский купец»

§ 1. Предмет спора Шейлока и Антонио

Из благородства Антонио, желающий помочь другу, пользуясь своей положительной репутацией в купеческих кругах, просит у жадного еврея Шейлока заем. Ввиду того, что практически весь капитал купца находился на тот момент в активном товарообороте, ему пришлось принять условие Шейлока подписать «шуточный» вексель, где неустойкой являлся фунт человеческого мяса самого заёмщика.

«К нотариусу Вы со мной пойдите
И напишите вексель: в виде шутки, -
Когда вы не уплатите мне точно
В такой-то день и там-то суммы долга
Указанной, - назначим неустойку:
Фунт вашего прекраснейшего мяса,
Чтоб выбрать мог часть тела я любую
И мясо вырезать, где пожелаю.»

Данный эпизод стал объектом спора крупных немецких теоретиков права, таких как Рудольф фон Иеринг и Йозеф Колер. Первый утверждал, что такой вексель не имеет никакой юридической силы, так как противоречит всяким принципам гуманности, и венецианский суд имел все основания разрешить дело в пользу Антонио¹. Второй же в своем труде «Шекспир с точки зрения права²» обвинял Иеринга в неверном понимании ситуации из-за взгляда на факты чрез призму современных ему юридических категорий, и утверждал, что правовым понятиям того времени, к которому относится драма, должник был ответствен перед

¹ См.: Иеринг Р. фон. Борьба за право., 1874.

² См.: Колер И. Шекспир с точки зрения права. Спб., 1895.

кредитором не только своим имуществом, но и своим телом, что являлось проявлением принципа *qui non habet in aere, luat in* (с лат. Кто не имеет денег, отвечает собственной кожей).

Очевидно, что любая правовая конструкция обязательственных отношений рано или поздно отходит от такого принципа и принимает лишь те методы, что непосредственно обеспечивают исполнение обязательств, поэтому важно понять, на какой стадии развития находилось долговое право Венеции в момент действия в пьесе.

Именно этим, вмешавшись в спор немецких правоведов, занялся российский ученый Н.А.Полетаев. В книге «Шекспир и Иеринг, или что такое борьба за право¹» он пишет о бессмысленности такого спора, из-за недостоверности обстоятельств, описанных Шекспиром. Проведя исторические исследования, он пришел к выводу, что неприкосновенность человеческой жизни в условиях гражданского договора не подвергалась сомнению в относительно развитом для своей эпохи государстве Венецианской республики, и абсурдно не только лишь то, что позже дож, будучи судьей (Полетаев также критикует процесс, описанный в произведении, так как дож Венеции никогда не исполнял роль судьи при разбирательстве гражданского дела), не признал вексель недействительным, но и то, что такой вексель мог быть каким-либо образом заверен нотариально. Он утверждает, что в Венецианской республике, где власть дожа учредилась в 697г., а сам город Венеция стал так называться лишь в начале IX века, действовало переработанное Римское гражданское право, давно исключившее в себе те аспекты обязательственных отношений, которые описывает Шекспир.

Римское долговое право к тому времени проделало путь от состояния, когда кредиторам предоставлялся широкий спектр насильственных мер для исполнения обязательств должником, до состояния, когда все меры

¹ См.: Полетаев Н.А. Шекспир и Иеринг, или что такое борьба за право. Спб., 1900.

приобретали прагматический характер в виде монополизированной привилегии гражданской юстиции. Древний Рим знал договор *пехум*, влекший тяжкое положение должника. Известен третий базарный день в «Законах двенадцати таблиц¹», когда должник, не исполнивший обязательств, после продолжительного времени заточения у займодателя и вовсе мог быть разрублен на части. Такие варварские методы с развитием правовой мысли в Риме сменились глубоким пониманием обязательства как явления исключительно имущественного характера, потому институты, подразумевающие насилие над должником, сменились его полноценной имущественной ответственностью. В Риме это было закреплено *Lex Poetelia*², законами, вводившими в обиход выражение «денежное обвинение» (*condemnatio pecuniaria*), обозначавшего суть пришедшего на смену личной ответственности (ответственности «мясом и кровью») принципа, заключающегося в том, что любое существующее обязательство может быть истинным только в том случае, если оно имеет какую-нибудь имущественную ценность, а его содержание может быть выражено в денежном исчислении, а также *Lex Julia*³, предоставившим должнику право передать все свое имущество кредитору под присягой, что у него более ничего нет, и тем самым освободить себя от ответственности.

Тем не менее, с развитием организации тюремных систем, для стимулирования должника к возврату долга легализовывался метод его тюремного заключения. Например, в Англии такие методы использовались вплоть до конца XIX века и нашли отражение в трудах Уильяма Блэкстоуна, в частности, во всемирно известных «Комментариях к законам Англии⁴».

¹ См.: Н. А. Крашенинникова. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Т. 1: Древний мир и Средние века. — М.: Норма, 2007. — 816 с.

² *lex Poetelia Papiria* («Законы Петелия») — ряд законов в Древнем Риме 326 г. д. н. э., отменившие договор *пехум* и признавшие абсолютный имущественный характер любого гражданского договора.

³ *lex Julia de sessione bonorum* («закон Юлия об уступке имущества») — закон 17 г. д. н. э, отнесший гражданские договора к ведению частной юстиции.

⁴ См.: Sir William Blackstone. Commentaries on the Laws of England. Volume 3. Of Private Wrongs., 1765-1769.

Кредитору предоставлялось на выбор одно из двух средств: он мог арестовать должника, чтобы этим побудить его к скорейшей уплате долга, или конфисковать его имущество. Если он прибегал к первому из этих средств, то ему было запрещено второе. При долгах, не превышавших 100 фунтов стерлингов, должник не мог считать себя избавленным от заключения, даже если он уступал кредитору все свое имущество. Все зависело тогда от воли заимодавца: если он соглашался в этом случае брать на себя расходы по содержанию должника в тюрьме, последний немедленно лишался свободы. В иных случаях расходы по содержанию несло государство. В других европейских странах существовали законы, ограничивающие длительность заключения за долг одним годом, но в Англии должники пребывали в заключении, пока их кредиторы не получали удовлетворения. Такой метод был ликвидирован в Англии лишь в 1869 году Актом о банкротстве¹, который упразднил тюрьмы для должников в Англии.

Т.к. главными источниками описания венецианской правовой системы были непосредственно право Венеции или насущное для Шекспира английское право, то юридические аспекты пьесы напрашиваются на сравнение с одной из этих двух систем и все же содержат в себе очевидные для современного правоведа расхождения с ними.

Тем не менее, позиция Полетаева в отношении смысловой ценности для юриста «Венецианского купца» чересчур резка. Шекспиру довольно часто приходилось использовать в своих произведениях анахронизмы, как материальные, так и смысловые для максимально верной передачи его собственных идей. Его произведения стоит рассматривать с иной стороны. Не с точки зрения достоверности описанных юридических фактов, а с точки зрения ценностно-ориентировочной, где право рассматривается как

¹ The Debtors Act («Акт о банкротстве») — акт парламента Великобритании 1869 г., способствовавший расформированию тюрем для должников и ограничивший возможность судов задерживать должников, за исключением тех, кто не выплачивал долги, располагая необходимыми средствами.

независимая от времени и места действия идея, призванная возводить справедливость в закон.

Следовательно, чтобы осознать всю ценность описанных процессуальных явлений драмы, необходимо признать догматизм обязательственных норм, которые преподносит нам английский драматург.

§ 2. Судебный процесс

В основе конфликта Шейлока и Антонио, конечно же, помимо обязательственных отношений также лежит личная неприязнь.

«Он ненавистен мне как христианин,
Но больше тем, что в жалкой простоте
В займы дает он деньги без процента
И курса рост в Венеции снижает.
Он ненавидит наш народ священный
И в соборищах купеческих поносит
Меня, мои дела, барыш мой честный
Зовет лихвой.»

Поэтому Шейлок радуется возможности смертельно отомстить своему неприятелю, когда тот ввиду обстоятельств не уплачивает долг. Он понимает, что с помощью закона сможет реализовать свое право на фунт человеческого мяса, а потому обращается в суд.

Перед судом предстают Шейлок и Антонио. Второй полностью признает подписанный договор и факт неисполнения обязательств, ставя судью в положение этико-юридической коллизии, когда тот, находясь не в состоянии препятствовать вынесению решения в пользу кредитора, просит его отказаться от иска и принять денежное предложение друга Антонио в существенно увеличенной сумме в сравнении с просроченным долгом. Действия судьи символизируют главную правовую проблему произведения:

застой в системе законодательства, когда существующие законы более не отвечают запросам общества, но справедливые законы еще не созданы. Это переходный этап от одной ценностно-правовой системы к другой, когда несправедливость закона достигает апогея, ведь расхождения ожиданий общества в отношении права и самого права становятся максимально-возможными.

Шейлок принципиален в отношении должника и требует удовлетворения иска. И в момент кульминации драмы, когда независимый судья и независимый читатель страстно требуют от закона уклониться от пути правосудия в пользу пути справедливости, Шекспир наотрез отвергает эту идею, которая значила бы уничтожение института суда, призванного всегда и без исключений следовать закону.

«Нет, так нельзя; в Венеции нет власти,
Чтоб изменить уставленный закон.
То был бы прецедент, и по примеру
Его немало вторглось бы ошибок
В дела республики. Нет, так нельзя.»

Он находит иной способ осуществить торжество справедливости. Перед вынесением решения в зале суда появляется ложный юрист, приглашенный для помощи в разрешении столь сложного спора, в действительности являющийся переодетой женой того самого друга Антонио по имени Порция.

Порция понимает, что имеет мало юридических средств для спасения должника, потому для начала старается заручиться доверием Шейлока, говоря о его беспрекословной правоте и неоспоримом праве на справедливость в его пользу, чтобы заслужить доверие и репутацию независимого стражи закона в глазах истца и в дальнейшем ослабить стремление апеллировать, опротестовывая её решение, и отстаивать свое право до победного конца.

«И дух и текст закона совершенно
Находятся в согласье с неустойкой,
Которая здесь в векселе стоит.»

Затем Шекспир наносит два беспощадных удара мечом юридического искусства: во-первых, Порция оговаривает свое решение, напоминая, что Шейлок имеет законные права на фунт мяса, но не имеет права на кровь, которая прольется при его извлечении, что является угрозой жизнедеятельности гражданина.

«Твой вексель не дает ни капли крови;
Слова точны и ясны в нем: фунт мяса.
Бери ж свой долг, бери же свой фунт мяса;
Но, вырезая, если ты прольешь
Одну хоть каплю христианской крови,
Твое добро и земли по закону
К республике отходят.»

Во-вторых, покушение на венецианского гражданина чужестранцем по старинным законам грозило конфискацией всего имущества, а жизнь злоумышленника попадала в зависимость от милости дожа.

«Претензию к тебе имеет суд.
В Венеции таков закон, что если
Доказано, что чужестранец прямо
Иль косвенно посмеет покуситься
На жизнь кого-либо из здешних граждан, -
Получит потерпевший половину
Его имущества, причем другая
Идет в казну республики, а жизнь
Преступника от милосердия дожа.»

Разумеется, мы видим абсолютное торжество справедливости этической над справедливостью юридической. Иеринг подчеркивает, что, имея право на мясо, право на пролитие крови являлось чем-то естественно вытекающим из первого права¹. Колер также принимает сторону кредитора: с точки зрения формальной юрисдикции Шейлоку должны были быть представлены все средства для реализации договора².

Проводя аналогию с римским правом, можно вспомнить правило *accessio sequitur principale*, по которому собственность на вещь, состоящую из жестко соединенных частей, включая принадлежности (*accessorium*), перед соединением принадлежавших различным собственникам, переходила к собственнику главной вещи (*principale*) и прекращалась для собственников принадлежностей, если иное не было заранее прописано в договоре. Если допустить, что может быть законным оплата неустойки мясом, то справедливо заметить, что кровь является неотъемлемой принадлежностью к нему, так как мышцы в организме образуются и функционируют в тесной связи с кровеносной системой.

Именно поэтому было бы единственно справедливым, признавая право Шейлока на мясо, признать право если не на кровь, то на беспрепятственный доступ к реализации права на мясо. Обращаясь к истории права, в рабовладельческом Риме действовал правовой принцип: *qui jure suo utitur, naeminem laedit* (с лат. Кто пользуется своим правом, никому не причиняет вреда). В конце концов, признавая покушение Шейлока на жизнь венецианского гражданина из-за желания реализовать свое право через членовредительство человеку, то справедливо было бы все же признать незаконным сам вексель, если не из-за объекта неустойки, то из-за невозможности законного её получения.

¹ См.: Иеринг Р. фон. Указ. Соч.

² См.: Колер И. Указ. Соч.

Очевидно, закон при рассмотрении данного конкретного спора может находиться лишь на стороне Шейлока, но именно здесь проявляются истинные взгляды Шекспира на право и его функции. Он считает, что право бесполезно тогда, когда используется лишь ради претворения законов в жизнь. Право призвано учитывать требования общества и его прогресс в духовной сфере, а потому менять методы и свою структуру в связи с развитием общества. Право должно не защищать закономерные действия граждан в отношении друг друга или государства, а способствовать их взаимовыгодному существованию, очищая себя от тех методов, которые перестали помогать обществу в его стремлении к лучшему. Именно такой правовой метод был предотвращен Порцией, высоконравственным человеком, к нравам которого должно стремиться и все общество, как в духовной, так и в правовой сфере, очищая себя от исчерпавших себя обычаев и устоев, приверженцем которых был жадный циник Шейлок.

Глава 2. Преступление и наказание и «Гамлет»

§ 1. Гамлет. Историко-правовой контекст

Для наиболее полного раскрытия правового начала пьесы «Гамлет» в первую очередь необходимо обратиться к её историко-культурному контексту.

Исследование на данную тему провел профессор МГУ А.А.Липгарт¹. Он пришел к выводу, что основной идеей пьесы и непосредственным секретом её успеха в английском обществе являлась злободневность описанных в ней тем.

Дело в том, что для весьма существенной католической части населения Англии той эпохи была свойственна раздвоенность сознания в связи с безвыходным положением: после периода бытовавшего и устоявшегося в течение столетий разведения светских и духовных полномочий перед английскими католиками в связи с развитием англиканства стоял выбор между признанием верховного авторитета королевы в мирских и духовных делах и признанием в этой сфере авторитета Римских пап. Это означало либо непокорность католическим идеалам и угрозу спасению души в случае выбора протестантизма, либо опасность социального ostracism через невозможность получить высшее образование или сделать карьеру и столкновение с перспективой штрафов, конфискации имущества, тюремного заключения и даже казни. Выбор вероисповедания для католической части населения фактически означал ограничение тех или иных прав в отношении свободы совести, что способствовало выделению маргинального слоя, не смыслящего не только своего социального положения, но и правового.

¹ См.: Липгарт А.А. К проблеме интерпретации фактов жизни и творчества Уильяма Шекспира: поэма «Феникс и Голубь» и покупка недвижимости в Лондоне., 2018.

С чем же Шекспир связывает право в данном произведении? Можно ли интерпретировать поступки датского принца как проекция когнитивного диссонанса в общественном правосознании Англии на рубеже XVI века? Эти вопросы являются ключевыми для выявления юридических аспектов поведения Гамлета.

Для начала необходимо обозначить роль призрака отца Гамлета, требующего от сына отмщения за корыстное убийство братом. Р. С. Джернси, раскрывавший это явление через институт канонического права Англии, пришел к мнению, что во вселенной Шекспира это вовсе не фантастическое наваждение или же психическое отклонение героя¹. Иначе все поступки Гамлета можно было бы связать с нечеловеческой волей или невменяемостью, что вовсе дискредитировало бы правовой анализ трагедии. Это осознание героем очевидной истины, которая уже давно терзала его душу, подтолкнувшее принца на преступления разного рода и разной квалификации. Это процесс формирования идеи кровной мести в сознании утратившего отца человека, свойственный в яркой степени общественному строю феодализма.

В рукописи известного революционера М. А. Бакунина «Гамлет²» правовой анализ содержания пьесы проведен в плане утверждения права как ключевого элемента гармонии Вселенной, связывающего человека с человечеством и обществом. Месть Гамлета, по мнению Бакунина, позволяет созерцать право свое в его непроходимой святости, ведь, когда закон оказывается не способен творить справедливость, остается лишь способствовать этому самостоятельно.

Институт кровной мести был актуален в датской феодальной системе общества вплоть до XVI века, когда Христиан III начал процесс реформации

¹ См.: Guernsey R.S. Ecclesiastical law in Hamlet: the burial of Ophelia. The Shakespeare society of New York., 1885.

² См.: Бакунин М. А. Рукопись «Гамлет», 1837.

и, следовательно, существенно изменил характер отношений человека и церкви. Будучи убежденным протестантом, пришедшим к власти в католическом государстве в следствие военного переворота в 1534 году, именно этот скандинавский правитель является одним из символов наступления новой эры в христианскую государственность. Католичество в таком государстве символизировало устоявшиеся феодальные принципы отношений вассалитета-сюзеренитета, а для установления абсолютной власти публично-правового типа организации государственного аппарата управления необходимо было разрушение существующего строя и устранение альтернативных источников власти, опирающихся на древние взгляды общества в отношении власти духовной и политической, коими были крупные феодалы и независимая церковь.

Аналогичная ситуация наблюдалась в Англии во время правления Генриха VIII, устранившего церковь как политического противника внутри государства для упрочения королевской власти путем проведения реформации в том же 1534 году, ставшего лидером новой церкви единолично в связи с Актом о супрематии¹. Такие действия привели к слиянию властных полномочий двух крупнейших источников этой самой власти, а также к существенному общественному резонансу, описанному выше.

§ 2. Правовой анализ поступков Гамлета

Первым из преступных деяний Гамлета становится убийство Полония, исполнявшего приказ короля подслушивать разговор племянника с матерью, дабы выведать мотивы его непредсказуемых поступков. Невольно он становится жертвой шпаги молодого принца, чьё истинное

¹ Акт о супрематии (англ. The Act of Supremacy) — парламентский акт 1534 г., закрепивший разрыв Англиканской церкви с Католической в ходе Реформации и передавший монарху верховные полномочия в Англиканской церкви.

предназначение заключалось в государеубийстве. Как стоит трактовать такое преступление?

Важно учитывать, что моментом ранее Гамлет отказался мстить в момент, когда застал короля молящимся. Несмотря на многозначительную проверку подставным спектаклем, он нуждался в неопровержимом доказательстве вины короля в чем-либо, в чем невозможно было бы усомниться.

«Назад, мой меч, до боле страшной встречи!

Когда он будет в гневе или пьян,

В объятых сна или нечистой неги,

За картами, с проклятьем на устах

Иль в помыслах о новом зле, с размаху

Руби его, чтоб он свалился в ад.»

Гамлет воплощает в себе незаурядный, но в то же время отсталый от запросов общества тип юридического мышления в связи с неготовностью стать частью новой правовой системы, где существование кровной мести означало бы некомпетентность судебной власти. Он понимает, что его этический долг заключается в отмщении за отца, но сомневается в том, имеет ли он на это право, потому что не ощутил материального нарушения своих собственных прав. Поэтому, когда Гамлет уличает короля в посягательстве на его права в разговоре с матерью, несмотря на незначительность такого правонарушения в сравнении с преступлением государственного масштаба, заключающимся в убийстве государя и брата, он, ни секунды не задумываясь, убивает шпиона.

Й. Колер утверждал, что действия Гамлета в этой сцене должны быть трактованы как убийство, совершенное в состоянии мнимой обороны¹. Эта позиция является весьма спорной, ведь Гамлет не осознавал угрозы своей

¹ См.: Колер Й. Указ. Соч.

жизни на данный момент. Им двигало не желание защитить свои собственные права, которые находились под мнимой угрозой, а ни что иное как месть за отца королю Клавдию. Убийство Полония становится убийством с полноценным умыслом преступного деяния, но не с теми последствиями, которых ожидал сам преступник.

Следующее деяние Гамлета является более любопытным, ввиду того что неоднозначными являются и мотивы потерпевшей стороны. Король осознает угрозу своей власти со стороны неусидчивого племянника, стремящегося к восстановлению справедливости, и начинает вынашивать планы по её устранению. Некогда верным друзьям Гамлета Розенкранцу и Гильденстерну, действовавших в интересах Клавдия, было поручено сначала выведывать мотивы принца под стать Полонию, а после его смерти в действие был введен план по устранению Гамлета. Его друзья сопровождают его в поездке в Англию, данника королевства, истинной целью которой является убийство Гамлета. План был раскрыт героем, а письмо с соответствующим приказом – найдено, а затем подменено иным письмом, из-за которого жертвами уже становятся Розенкранц и Гильденстерн.

Чтобы квалифицировать данное деяние необходимо понимать, в какой степени осведомленности находились двое королевских подданных. Знали ли они, что везут Гамлета на верную смерть? В таком случае поступок можно охарактеризовать как необходимую оборону против общего субъекта преступления – Клавдия и соучастников, организатора и исполнителей. Иначе же поступок нелегитимного короля и Гамлета – два разнородных преступления. Рассматривая второе, очевидно, что оборона не может быть направлена против третьих лиц, коими в данном случае становятся Розенкранц и Гильденстерн. Логика склоняет именно к этому варианту, так как было бы недальновидно со стороны организатора преступления доверять исполнение друзьям потенциальной жертвы.

Именно здесь, согласно юридическому труду на тему пьесы английского правоведа Марка Андре Александра можно рассмотреть мнимую оборону, учитывая то, в каком положении находился обороняющийся, и оправдать его с точки зрения права¹.

В кульминационной сцене присутствует и третье лицо, действия которого можно рассматривать в рамках уголовного права. К Лаэрту, сыну Полония, пользуясь его желанием отомстить, обращается Клавдий и затевает новое покушение на жизнь племянника. Казахстанский юрист А. Г. Диденко раскрывает суть преступления короля через стадии его участия². Король выступает как подстрекатель, уговаривая Лаэрта стать соперником Гамлета на дуэли, которая тайно замышлялась как казнь племянника. Король обещает обеспечить присутствие Гамлета, тем самым становясь интеллектуальным пособником в преступлении. Затем он раскрывает способ убийства: промазанная ядом шпага в руках Лаэрта. Предоставляя средство и орудие преступления, Клавдий начинает физическое пособничество.

Перед самой дуэлью Гамлет как никто другой понимает обиженного и оскорбленного Лаэрта и пытается оправдать свои действия невменяемостью.

«.. Мой поступок,
Задевший вашу честь, природу, чувство, -
Я это заявляю, - был безумьем.
Кто оскорбил Лаэрта? Гамлет? Нет;
Ведь если Гамлет разлучен с собою
И оскорбляет друга сам не свой,
То действует не Гамлет; Гамлет чист,
Но кто же действует? Его безумье.

¹ См.: Alexander Marc Andre. THE OXFORDIAN Volume IV., 2001.

² См.: Диденко А.Г. Шекспир и право. - Алматы. Высшая школа права «Эдилет», 1995.

Отрекшись от умышленного зла,
Пусть буду я прощен великодушно.»

С юридической точки зрения Гамлет полностью осознает, что убедительным оправдание может звучать лишь в том случае, если ему удастся доказать непричастность его воли к своим деяниям и то, что он не был в состоянии руководить своими действиями, а потому исключить собственную виновность. Тем не менее, попытки были тщетны, и дуэли суждено было состояться.

Тем временем Клавдий также решил предпринять и самостоятельное покушение, отравив вино, подававшееся Гамлету для утоления жажды.

«Стой, выпьем. – За твоё здоровье, Гамлет!
Жемчужина твоя. – Вот – твой бокал.
Трубы и пушечные выстрелы за сценой»

Несмотря на то, что принц отказался, король, предложив племяннику отпить из кубка, окончил собственное покушение, сопровождающееся прямым умыслом убийства. В тот момент он был настолько одержим осуществлением преступления, что нарочно не предупреждает жену о яде и позволяет ей отпить из кубка, совершая убийство с косвенным умыслом.

Гамлет умирает от рук Лаэрта, но успевает отнять у него жизнь, а также отомстить за отца Клавдию. Беспрецедентный суд свершен. Виновники наказаны.

На протяжении всей пьесы Гамлетом двигал конфликт двух сторон его поступков: этической и юридической. Гамлет не мог совершить государственный переворот, как сделал его дядя, потому что это была борьба не за власть, а за справедливость. Он не хотел править, не хотел свергать Клавдия, потому что институт власти не попадал в сферу его интересов. Замученный совестью он должен был принять факт убийства своего отца и молить закон о восстановлении справедливости. Гамлет с

легкой решительностью отправляет на смерть людей, когда чувствует собственное право, но впадает в бесконечные раздумья, когда дело касается мести, дела априори противоправного. Ведь и при убийстве Полония Гамлетом двигало желание мстить, но только лишь тогда, когда обидчик этого заслуживает, и при убийстве Розенкранца и Гильденстерна им двигало лишь желание и право жить ради своего дела, и рука его ни минуты не дрогнула, когда этому праву появилась угроза. До последней сцены он надеется, что закон исполнит его долг, но здесь не оказывается судьи, способного вершить суд правды. Здесь не оказывается судьи вовсе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что объектом правового анализа подверглись лишь два произведения великого драматурга, его правовые идеи прослеживаются и во многих других.

Например, сопоставляя «Макбета» и «Юлия Цезаря», можно разглядеть в авторстве предреволюционное сознание, готовое к конституционным переменам. Шекспир оправдывает Брута, говоря о его высоких идеалах и искренности в борьбе за них, а потому признает убийство Цезаря, узурпировавшего власть, великим делом, пусть и предательством друга, но сохранением верности республики.

Макбета же Шекспир видит корыстным предателем народа, несмотря на то что он во многом защищал свои права. Он являлся законным наследником престола по старшинству, но не смог стерпеть лишения этой возможности по воли короля. И его главной проблемой становится чрезмерное тщеславие и стремление получить от переворота собственное благо. Брут же потерял гораздо большее в материальном плане после смерти Цезаря, доверявшего другу больше, чем стоило бы. Шекспир видит законной революцию, проведённую под знаменем защиты существующего строя против государственного произвола, что частично отражает вектор развития права Англии, который был задан Промышленной Революцией.

Тем не менее, именно «Венецианский купец» и «Гамлет» наиболее точно и содержательно отражают правовые взгляды Шекспира. Он признает справедливыми лишь те законы, которые служат благу общества и в своих произведениях иллюстрирует пути достижения такого эффекта.

Гамлет столкнулся с проблемой беспомощности закона и отсутствия правовых рычагов восстановления справедливости, потому, будучи не в силах преодолеть обычаи и нравы феодального общества, в последние минуты жизни осуществляет суд самостоятельно, убивая государя, переступившего через закон ради власти.

В споре Шейлока и Антонио справедливость обозначается как субъективная категория, пересекающаяся с законом, но независимая от него, и в драме справедливым является вовсе не итог самого спора, а человеческая судьба, где благородство и честность берут верх над духовной низостью и жадностью. Именно такой справедливости, по мнению Шекспира, должен служить закон, и пьеса символизирует переходный этап от верховенства инертного права, однажды синтезированного из общественного восприятия правильного, до динамичной системы, подстраивающейся под актуальные этические принципы, превалирующие в сознании общества той или иной эпохи.

Такого желал Шекспир для Англии. Устранение политической и социальной нестабильности через установление законов, неприкосновенных для всех, включая короля. Чтобы не было возможности возникнуть такой политической фигуре, как Ричард III, и институт власти приобрел священный характер службы народу и его интересам. Чтобы право на свободу, которое символизирует любовь героев в трагедии «Ромео и Джульетта», приобрело статус естественного, и охранялось государством, действуя не в интересах влиятельных олигархических кланов, какими являлись Монтекки и Капулетти, а ради блага каждого отдельно взятого человека, где любовь, а именно право выбора предоставит возможность каждому реализовать собственное право на свободу.

Шекспир объясняет, что к такому результату право стремится лишь эмпирическим путем. Через дворцовые интриги, преступления и смерть. Только когда носитель наибольшей власти в стране, будь то народ, государственный аппарат или крупные кланы, осознает некомпетентность законов в связи с существенными ущербами общественному порядку от действующей правовой системы, лишь тогда происходят перемены: изменение законодательства, государственный переворот, революция. Во вселенной Шекспира так происходило в Дании, Венеции, Древнем Риме.

Такому было суждено случиться спустя десятилетия после смерти поэта и в самой Англии.

Правовые проблемы в творчестве Уильяма Шекспира остаются открытыми для обсуждения в юридических кругах и по сей день, а многие положения в его работах до сих пор остаются нераскрытыми с правовой точки зрения. Тем не менее, в результате научного исследования были выявлены важные идеи юридических механизмов и значимость их на фоне происходивших в жизни английского общества явлений, а также были раскрыты взгляды Шекспира на право, особенности его развития и его истинное предназначение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Юридические акты:

Древний Рим:

1. lex Poetelia Papiria («Законы Петелия») — ряд законов в Древнем Риме 326 г. д. н. э., отменившие договор nexum и признавшие абсолютный имущественный характер любого гражданского договора.
2. lex Julia de cessione bonorum («Закон Юлия об уступке имущества») — закон 17 г. д. н. э, отнесший гражданские договора к ведению частной юстиции.

Англия:

1. Акт о супрематии (англ. The Act of Supremacy) — парламентский акт 1534 г., закрепивший разрыв Англиканской церкви с Католической в ходе Реформации и передавший монарху верховные полномочия в Англиканской церкви.
2. Акт о банкротстве (англ. The Debtors Act) — акт парламента Великобритании 1869 г., способствовавший расформированию тюрем для должников и ограничивший возможность судов задерживать должников, за исключением тех, кто не выплачивал долги, располагая необходимыми средствами

2. Научная литература:

Литература на русском языке:

1. Бакунин М. А. Рукопись «Гамлет»., 1837.
2. Диденко А.Г. Шекспир и право. - Алматы. Высшая школа права «Эдилет», 1995.

3. Иеринг Р. фон. Борьба за право., 1874.
4. Колер И. Шекспир с точки зрения права. Спб., 1895.
5. Крашенинникова Н. А (под общ. редакцией). Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Т. 1: Древний мир и Средние века. — М.: Норма, 2007. — 816 с.
6. Липгарт А.А. К проблеме интерпретации фактов жизни и творчества Уильяма Шекспира: поэма «Феникс и Голубь» и покупка недвижимости в Лондоне., 2018.
7. Полетаев Н.А. Шекспир и Иеринг, или что такое борьба за право. Спб., 1900.

Литература на английском языке:

1. Sir William Blackstone. Commentaries on the Laws of England. Volume 3. Of Private Wrongs., 1765-1769.
2. Alexander Marc Andre. THE OXFORDIAN Volume IV., 2001.
3. Guernsey R.S. Ecclesiastical law in Hamlet: the burial of Ophelia. The Shakespeare society of New York., 1885.

3. Работа подготовлена с использованием системы КонсультантПлюс.